
УВИДЕТЬ ПАРИЖ И УМЕРЕТЬ!

«Увидеть Париж и умереть» — я всегда именно так думала про Париж, ждала свидания с ним много лет, готовилась.

В Париж нас пригласили съездить наши друзья — немцы Рената и Густав Бахер. Ну, друзья не друзья — вопрос спорный, но знаем мы друг друга давно. Сейчас, по прошествии большого количества лет, поняли, что, вероятно, все-таки не друзья. Да и кого сейчас в нашей сложной жизни можно назвать друзьями? Наверное, только хорошо живущих друг с другом мужа и жену. Тогда мы этого не знали, в Париж хотелось, сами бы поехать не решились. И страшно, и французского языка не знаем, и дорого. Бахеры нас уговорили, они в Париже бывали неоднократно, хоть по-французски только две фразы знают. Густав — такой «человек мира», как он сам себя называет, умеет быть органичным в любом обществе, в любой компании. Правда, не все и не всегда чувствуют себя с ним комфортно, но он всегда собой доволен.

Итак, в какой-то момент мы приняли решение поехать во Францию. Все срослось, сроки уточнены. Едем в Париж. Ура! Неужели? Не могу поверить своему счастью!

Решили выезжать на машине из Германии, из Кельна. В Кельне живут родители Густава — Карл и Гизелла. У них собственный дом в старинном стиле — небольшой, но очень уютный. Мы с мужем часто бывали в этом доме, и я его очень полюбила. Каждый раз на пороге нас встречали такие благообразные старички: она всегда в капроновых чулках и в бусах, он всегда в шейном платке. Все остальное — это ладно, но вот эти чулки и шейный платок всегда меня умиляли. Еще умиляло, что каждый раз, когда мы садились за стол, доставался новый сервиз. Мы же привыкли, как у нас в России: один сервиз — парадный, для гостей (лучше, если это будет «Мадонна»), а на каждый день что-нибудь попроще, что не жалко разбить. Ну и билось, конечно! Поэтому на каждый день всегда был некомплект.

После посещения Кельна я дала себе слово, что есть буду всегда из парадных сервизов, на праздник ничего приберегать не стану и на столе каждый день будут стоять одинаковые тарелки!

Приезжая в гости, мы всегда привозили подарки: икру, конфеты, водку. Интересно, что все наши нехитрые презенты клали на какой-нибудь стол в углу и стояли они там вплоть до нашего отъезда, иногда несколько дней. Да... Брезгуют, значит, и на стол не поставили, не

открыли, не попробовали. Даже не убрали! Так и стоят наши бедные подарочки, никому не нужные. Потом, когда то же самое происходило и в других домах, я все поняла. Это у них такие правила хорошего тона. Немецкие друзья демонстрируют нам, как они любят наши подарки. А есть их они будут втихаря, когда мы уедем, за закрытыми дверями.

Ехали по автобану через Бельгию. Бензин, естественно, пополам, мы уже привыкли к этому: дружба дружбой, а бензин посчитаем! Сейчас уже удивляюсь, почему с нас не спросили за амортизацию автомобиля? Периодически за руль сажали моего мужа. Сережа, нервно улыбаясь, отказать не мог. Я слегка побаивалась, мы не умеем ездить двести километров в час! Для нас все диковато, весь этот их порядок. Но в грязь лицом ударить нельзя, еще будут в этой поездке такие возможности! После часа езды мой муж был весь мокрый, долго не мог прийти в себя, но испытание на прочность прошел на пять с плюсом!

Въехав в Париж, машину сразу поставили на стоянку. Оказалось, передвигаться будем пешком, деньги нужно экономить, бензин очень дорог (даже половина бензина! Ну что за люди?!). Но мне уже было на все наплевать, я в Париже! В него я влюбилась сразу, с самой первой секунды. Поняла, что это абсолютно мой город. Его воздух, его люди, язык — все-все. Просто сидела на скамейке и наслаждалась счастьем, леле-

яла чудную мысль: я и Париж. Вся остальная команда рысью бегала по городу и искала для нас гостиницу. Задача была не из простых: гостиница должна была быть «две звезды» и обязательно со скидкой!

Видимо, удобства будут на этаже или вообще за углом, но меня это уже не пугало. Я готова была спать прямо вот на этой лавке. Периодически приходилось пересаживаться в другое место, поближе к очередному отелю. Мои спутники при этом наказывали мне не считать ворон, а сторожить вещи.

Наконец-то наши «две звезды» с дополнительной скидкой в тридцать (!) процентов были найдены. Наш друг Густав потом напоминал об этом все четыре дня, проведенные в Париже. Мы каждый раз должны были восхищаться, как будто услышали об этом впервые, и при этом забывать, что номер состоит из одной кровати. Ни шкафа, ни телевизора, ни тумбочки. Для остальной совершенно ненужной мебели просто не было места. Да и зачем? Приходили мы поздно, чуть живые, и, едва открыв дверь, плюхались спать, практически не раздеваясь (все равно некуда вещи складывать), и оказывались... на полу. Кровать была настолько продавлена, что походила на гамак! Поэтому мы всю ночь друг на друга немножко наезжали. Хорошо, что уставали сильно, спали без задних ног и ничего не чувствовали.

Уставать было с чего: за день мы наматывали пешком километров по пятнадцать. Было при-

нято решение на такси не ездить, на метро — только в случае острой необходимости. Хорошо, что с погодой нам повезло — начало лета. Не жарко и не холодно, так что гулять по Парижу — одно удовольствие. А нашим немцам удовольствие вдвойне, ведь и деньги сэкономились.

Ничто не могло разочаровать меня в Париже. С каждым днем город нравился все больше. Все было интересно, все живое, за каждым человеком чувствовалась судьба.

Каждый вечер за ужином мы составляли план на следующий день. Четыре человека, четыре дня. Каждый из нас предлагал что-то интересное именно ему, сообща составлялся маршрут. Поэтому новый день был непохож на предыдущий. Было очень здорово. Кстати, полноценно в ресторане мы ели раз в день. Почему — для меня до сих пор остается загадкой. Наши спутники — люди далеко не бедные и много чего себе могут позволить. Но... Мой муж предположил:

— Может, они думают, что у нас денег нет совсем и боятся поставить в дурацкое положение?

Уж не знаю, что они там думали, но на еде мы сэкономили. В ресторане брали только «меню», по-нашему — комплексный обед. Дешево и сердито. Но мало. Сережа вечно был слегка голодным. Но друзья всю дорогу так восхищались изысканностью кухни, что как-то неловко было заказать что-то еще. Много есть вредно. Завтракали мы в нашем чудном отеле. Ну что можно было получить в таком месте? В Париже вообще завтрак легкий: кофе, круассан и немного дже-

ма. Мы собирались в нижнем холле, всем наливалось по одной чашечке кофе, добавка не полагалась. Затем хозяйка гостиницы, дама не очень приветливая, кидала в нас по одному круассану. Джем не давала вообще. Думаю, она никак не могла простить нам тридцати процентов скидки. Немцам это настроение не портило, мне же было как-то не по себе. Все время завтракала с легким чувством вины, спеша съесть свой бублик и убраться по намеченному вечером маршруту.

Полдня мы наслаждались солнечным Парижем. Потом просто покупали багет, сыр, бутылку вина и прямо где стояли, там и садились или ложились в зависимости от того, где нас заставал голод — на лужайке, на ступеньках, — и все купленное съедали. Не могу сказать, что это было плохо. Нет, вкусно, романтично, здорово. А наши спутники опять радовались вдвойне. Ведь сколько денег сэкономили! Ну пошли бы сейчас в ресторан, и что? Ободрали бы нас как липку. Вкусней бы не было, это точно. И вообще, с какой стати кормить этих французикув? Не дождутся. Нас с Сережей все устраивало. Иногда, правда, во мне восставал дух противоречия:

- Хочу пирожное!
- Елена, в ларьках только сыр!
- Устала я от вашего сыра. Хочу в кондитерскую. Хочу кофе по-венски с каким-нибудь абсолютно французским десертом.

Мне никто отказать не мог, но никто со мной за компанию не ел. Немцы говорили, что не хо-

тят. Сереже было очень неудобно. Так и не поняла, за меня или за них, но он тоже пирожные не ел. Наплевать. Мне было вкусно, комфортно. Чудо как хорошо!

- Сереж, ты чего все время в сумке роешься?
- Подожди...
- Что-нибудь случилось?
- Лена!!!

Поняла, нужно заткнуться, пока не обругали. Зная своего мужа, я догадывалась, что что-то не так, что-то случилось. Но спрашивать было бесполезно, он уже разнервничался настолько, что даже разговаривать не мог. Мы возвращались на метро, день клонился к закату. Все здорово, впечатлений море. Наконец-то я поднялась на Эйфелеву башню. Не скажу, что это самое яркое впечатление от Парижа. Но символ все-таки. Посетить нужно. Галку поставили. Но часть пути на башню пришлось проделать пешком, устали как собаки. Зато после этого восхождения нам даже разрешили в какой-то жуткой кафешке посидеть, а заодно и съесть пиццу. Правда, одну на всех. Да и ладно, впереди еще «комплексный обед» на ужин. Ноги гудели, как хорошо, что сейчас прямиком в номер, в наш гамак.

Господи, да что с моим мужем-то происходит?! Посерел прямо весь и вещи из своей сумки начал на скамейку вытряхивать.

- Лена, я, по-моему, кошелек потерял...

Тут уж и я начала сереть. Деньги у нас все хранились у Сережи. Причем совсем все. За го-

стиницу мы еще не платили, а после Парижа я собиралась ехать в Ганновер на медицинскую выставку, и на эту поездку деньги в том же кошельке. Действительно, увидеть Париж и умереть... теперь уже от голода.

Тут уже и немцы поняли, что у нас что-то стряслось.

— Сережа потерял кошелек.

— Какая неприятность. А денег много было?

— Много.

Ну как людям объяснить, что денег не просто много, а все? И больше нет вообще ничего. Заикаясь, начинаю рассказывать.

— Подождите, ну вы же в сейф что-то клали?

— Нет...

— У Елены, в ее кошельке?

— Все было у Сергея.

Чувствую, не понимают. Да мы и сами не понимаем, почему так произошло. Начинаем лихорадочно соображать, что делать дальше, как выходить из этой ситуации. А ведь не зря наши спутники такие экономные и нас к этому приучали. Глядишь, и не умрем с голоду: что-то у них займем, на поездку в Ганновер денег попрошу у врача, с которым в Германии встречаюсь. Еще есть время ему позвонить.

— Подождите, давайте все-таки разберемся. Сергей, когда ты в последний раз видел этот кошелек? В кафе? Точно помнишь? Ну да, ты же расплачивался... А в метро как входил? Ай, ну да, в метро же я билеты покупал. — Густав пытается проанализировать ситуацию.

— Знаете, давайте-ка вернемся в кафе. А вдруг ты кошелек просто уронил, и он спокойно лежит под стулом и ждет нашего возвращения?

— С пятью тысячами-то? Вряд ли. Мы в фантастические истории не верим.

— Все, поехали. Нет, так нет. А вдруг!

Едем обратно, настроения никакого. Каждый в душе ищет виноватого. Немцы удивляются нашей халатности. Я — своему мужу. Он находится в прострации. Минут через сорок добираемся до места. Входим в кафе. За нашим столиком сидят уже совершенно другие люди и с очевидным удовольствием уминают пиццу. Сережа лезет под стол, безусловно, вызывая удивление у народа. Ничего! Как и предполагали!

— Все-таки надо на всякий случай спросить у бармена. А вдруг кто-нибудь нашел и отдал? — неуверенно предполагает Рената. Святая простота! Нашел и отдал! Даже предположить такое и то умудриться надо, не то что вслух сказать. Тем не менее Сережа, как зомби, на негнущихся ногах идет к бармену. Мы издалека видим, что они о чем-то говорят. И вдруг! В руках бармена я вижу наш кошелек. Нет, этого не может быть! Наверное, он пустой. Сережа отходит в сторону и проверяет, все забрали из кошелька или нет. Деньги все на месте! До последнего пфеннига... Сережа тут же возвращается назад и, достав из кошелька какие-то деньги, отдает их в благодарность бармену.

Потом мы пытались выяснить, сколько отдал, — Сережа вспомнить уже не мог. Да это

уже неважно. Нам вернули наши деньги. Почему это произошло, осталось загадкой. Французы очень честные люди? Это вряд ли. Мы им понравились или нас сочли настолько бедными, что пожалели? Или питают симпатию к русским? (Не к немцам — это точно, во Франции немцев, мягко говоря, недолюбливают.) Не знаю, не знаю... Мне все-таки кажется, что кошелек нашли в чьем-то присутствии и очень много людей это видели. Думаю, это самая вероятная причина, хотя версии высказываются и по сей день. Но главное — это результат. Мы с деньгами, мы в Париже, праздник продолжается!

Очумевшие от счастья, мы наконец-то доехали до нашей гостиницы и упали в наш гамак. Нам нужен был отдых, чтобы осознать случившееся, и время, чтобы придумать, как правильно прятать деньги дальше.

Вечером мы уже идем не в дешевый ресторан, а в хороший. И первым делом заказываем шампанское! Сегодня не экономим, сегодня мы гуляем! Будет и фуа-гра, и ассорти французских сыров, и замковое вино.

Париж еще раз доказал нам свою непохожесть на все другие города. Доказал нам, что это город, где случаются чудеса, — большие и маленькие. Нужно просто приехать сюда с близким по духу человеком, и Париж повернется навстречу, одарит теплыми воспоминаниями на всю жизнь. Уж мы-то с мужем эту поездку теперь никогда не забудем. На это есть еще одна причина...

Сергея открывает шампанское, пробка с силой вылетает из бутылки и падает напрямиком в бокал.

— Так, чей бокал? Рената, твой?

— Нет, это Сергея.

— Уверена? А ты знаешь, есть такая примета, если пробка попадает в бокал, это к прибыли. А уж если пробка от шампанского, то это прибавление — к ребенку!

— Сергей, значит, у тебя будет ребенок. Бокал не мой, это точно твой!

— Интересно, кто это родит моему мужу ребенка? Уж точно не я!

Мы все веселимся, у нас прекрасное настроение, и даже эта больная тема для обеих пар не заставляет нас грустить. У Бахеров детей совсем нет, а у нас с Сергеем нет общих. И, несмотря на все усилия, пока и не предвидится. Но сегодня не о том. Мы пьем вино, вкусно едим, потом полночи гуляем по Монмартру. Уже под утро с Ренатой у какой-то африканки заплетаем себе по косичке. Мы счастливы. И ведь очень редко бывает, когда счастье ощущаешь прямо в этот самый момент. Обычно оно приходит с воспоминанием о чем-то. А мы счастливы прямо сейчас.

Навстречу нам идет большая компания. Вдруг один парень, наш ровесник, останавливается, подходит к Ренате, берет ее за руки и начинает что-то быстро говорить по-французски. Потом обнимает, целует в губы, и компания уходит. Мы остаемся стоять с раскрытыми ртами. Что он ей говорил, почему поцеловал? Почему

ее, а не, допустим, меня? Опять загадка, опять маленькое чудо, от которого Рената потом долго не могла отойти, все ходила и глупо улыбалась.

А для меня в этом городе произошло самое невероятное, самое долгожданное чудо в моей жизни. Почему для меня? Для нас! Для нашей семьи! Мы привезли из Парижа нашего долгожданного Павлика. Действительно, тот бокал оказался Сережиным, и мы еще раз убедились, что в Париже сбываются все мечты, все надежды. Но обязательно нужно туда ехать с человеком, которого по-настоящему любишь, с которым ты — единое целое. А если уверенности нет, то этот город поможет разобраться и в себе, и в партнере, и в ваших отношениях. Я видела людей в самолете, летящих из Парижа, которым нечего было сказать друг другу, которые, кроме раздражения, не вызывали друг у друга никаких чувств. Нас же Париж соединил навеки, еще раз доказав, что, может, мы и разные, но нам хорошо вместе. В музее Д'Орсе мы восхищались одними картинами, восторг вызывали одни и те же улицы и бульвары этого дивного города.

Увидеть Париж и умереть. Да! Но только от счастья!

ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ, ИЛИ НЕДЕЛЯ ИМЕНИ МЕНЯ

Сверху это очень напоминает бархатную бумагу. Как будто кто-то взял ее и измял. Она лежит в причудливых изгибах и изломах, с выпуклостями и вмятинами. И цвет, главное, цвет! Он такой глубокий малахитовый и очень насыщенный. Никогда такого не видела. Но вот уже вдали показалось Женевское озеро, и я понимаю, что никакая это не бархатная бумага, это Швейцарские Альпы, а я лечу в самолете, смотрю в окно и через двадцать минут буду в Женеве. Поверить в это пока не могу, поэтому все-таки горы остаются для меня очень красиво и эстетично скомканной бархатной бумагой, а Женевское озеро — маленькой лужей. Неужели это все-таки я, и я опять в самолете и лечу за границу?

Да, нельзя детей рожать в преклонном возрасте. Все-таки это выбивает. Шутка ли, родить почти в тридцать шесть лет! Да еще через четырнадцать лет после первого ребенка! А ведь казалось, ну что тут такого?! Тридцать шесть — не

возраст, дети — это счастье, двое детей — тот минимум, который должен быть у любой женщины. И я наконец могу подарить ребенка своему мужу! Да еще мальчика, продолжателя фамилии.

О том, что это тяжело, я забыла, о том, что мне не двадцать, я не задумывалась, того, что не все дети идеальные, как мой старший сын, я не понимала. Единственное, о чем я размышляла во время беременности, — это какая у моего малыша будет коляска. Требование к коляске определилось одно: она должна быть легкой и просто складываться (главное предназначение коляски — входить в самолет). И еще, конечно, необходим рюкзачок, там будет сидеть мой ребенок. Я считала себя такой прогрессивной бизнес-леди, что дома задерживаться не собиралась: родится ребенок, посажу его в рюкзачок — и сразу в самолет. Ребенок помешать не может! Он меня только украсит! Такая молодая многодетная мама, все успевает: и детей рожать, и бизнесом заниматься, и дети все время с ней. Ну просто идеальная картинка.

Я же ее не придумала! Я все это видела у моих иностранных подружек. У них дети все время с ними: в самолетах, в ресторанах, на отдыхе! Никто никому не мешает, все счастливы. Почему у меня должно быть по-другому? А ни почему. И не будет. У меня будет точно так. Я буду тоже прогрессивная, спокойная и эмансипированная, буду сама собой гордиться и всем докажу, что старые времена прошли. Теперь и у нас

все по-другому. Детей не пеленаем, пеленки не стираем, фотографироваться начинаем с роддома. Никаких предрассудков. Все!

Как говорил один мой старинный друг, ошиблась я жестоко!

Во-первых, во время беременности я жутко комплексовала из-за своего, прямо скажем, далеко не юного возраста. И как ни старалась себя украсить всевозможными заморскими нарядами, все равно с гордостью свой живот носить не могла. Мне казалось, все вокруг меня думают: «Ну куда лезет эта старая дура? В ее возрасте нужно на печке сидеть и деньги на старость копить!»

Чувствовала я себя не очень хорошо, мой муж машину водил как-то рывками (естественно, я думала, что нарочно), поэтому ездила на работу на метро. Так мы и жили: вдвоем выходили из дома, а потом расходились каждый в свою сторону.

На работу приезжали практически одновременно, вместе открывали дверь и шли в один кабинет. Я к тому времени — уже обиженная на весь белый свет, мой муж — в недоумении: чем это я так расстроена, может, меня кто обидел?

Обидела меня беременность, все беременные очень обидчивые, это у них такое стойкое физическое состояние. Ну а на кого обижаться? Конечно, на собственного мужа! Вот почему, спрашивается, он не интересуется каждые пять минут, как я себя чувствую? Нет, лучше каждую минуту... Или: вот почему опять не заметил,

что на мне новая кофта? Неужели трудно каждое утро говорить: «Какая же ты у меня красавица!»

Не можешь про кофты запомнить — ладно, у меня их действительно много, ошибиться легко. Ну тогда хоть просто, не уточняя: «А кофточка тебе эта идет, просто супер! И живот не очень большой, тебя даже украшает. И вообще, за тот час, что без тебя в машине ехал, так соскучился, так за тебя волновался! Как хорошо, что мы опять вместе».

Вот что, сложно сказать эти три предложения? Можно их даже наизусть выучить и каждый раз повторять только их. Я даже не замечу, что они одни и те же! Все равно приятно, и на душе сразу станет легко и спокойно.

Нет, идет к нашему кабинету и сосредоточенно о чем-то думает. И, похоже, не обо мне. Ну почему не обо мне? И вообще о чем тогда? Наверное, о работе. Да ты подумай одну минуту обо мне, скажи об этом и думай потом опять про работу! А я сразу стану само спокойствие и истериками донимать не буду! Нет, никак и ничего не получается. Мои фантазии постоянно разбиваются об унылую реальность.

— Лена, у тебя плохое настроение?

Боже, ну с чего же оно хорошим-то будет?! Можно, конечно, все мои мысли сейчас повторить вслух, можно написать все то, что он должен мне говорить каждое утро, и давать ему зачитывать при встрече на работе. Но вряд ли и это поможет, все равно найду на что обидеться. На-

верняка зачитывать будет не так душевно, как мне бы хотелось. Грустно. Как там у Лермонтова: «И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...» Во-во, невзгода — это у меня, ну как же верно сказал Лермонтов, как будто сам беременным был!

— Лена, нужно позвонить в Германию.

Опять за свое! А слова любви? А забота? Ведь целый час не виделись!

Может, плюнуть на все и начать жизнь заново? Хотя заново, наверное, будет все-таки сложновато. Беременной-то... Ладно, позвоню в Германию.

Видно, все беременные одинаково депрессивно недоверчивы к своим мужьям, а все мужья беременных совершенно не понимают. Не понимают, что прежней жизни конец. Ребенка еще нет, а все уже по-другому, реагировать надо на все иначе, постоянно говорить жене, как они, то есть мужья, счастливы и как благодарны...

Да, мужьям этого не понять, не тонкие они натуры, не мягкие. Просто даже черствые. Что там в книжках пишут? Они с Марса, мы с Венеры? Жаль, никак нельзя сейчас на Венеру. Ну да ладно, главное — мне бы ребенка родить. А там его в рюкзачок — и вперед, покорять новые горизонты. Будет себя муж и дальше так же безрадостно вести, мы и без мужа обойдемся. Сейчас, конечно, сложно. Чувство незащищенности очень острое. И потом — кого же я буду все время пилить? Муж останется недопиленным? Не

выйдет! Пусть и дальше терпит, в конце концов, ребенок не только мой!

Роды были преждевременными, очень тяжелыми. «Скорую» вызывала себе сама, в роддом привезли не в самый лучший, а в самый ближний — задача врачей была довести, успеть, спасти.

Довезли, успели, спасли. С трудом. Обоих.

И все, про рюкзачок я забыла сразу. Тот животный ужас, который я испытала при мысли, что мой сын мог не родиться, сразу пригвоздил меня к земле. Я перестала соображать наполовину, и из этого состояния меня вытаскивала вся семья месяцев шесть, если не больше.

Муж не отставал и даже, можно сказать, был на передовой. Вставал со мной ночью, перодевал ребенка, подогревал смеси, просто сидел рядом, пока я кормила Павлика. Для меня это было очень важно. Я думала: ну вот, наконец в нем проснулся отец. Да и пора, ведь уже за тридцать. Как раз тот возраст, когда мужчина начинает понимать, что такое семья, что такое дети.

Как бы не так! Отец-то в нем проснулся, но соображать, видимо со сна, как положено еще не начал. Ведь каждый по-разному просыпается. Вот я просыпаюсь и сразу включаю все мысли, сразу сосредоточиваюсь на сто процентов — «что», «когда», «зачем». Наш старший сын, просыпаясь, всегда ненавидит весь белый свет. И так он всех ненавидит примерно до обеда. Сергей же, проснувшись, тормозит, впадает в про-

страцию. То есть вроде уже ходит, готовит завтрак, ест, но разговаривать с ним бесполезно. Не добьешься ничего. Похоже, и отец в нем просыпался немного заторможенно. То есть как бы этот отец уже не спит, но еще до конца не понял, что у него родился сын, а главное — еще не успел его полюбить так, чтобы до боли в сердце, чтобы ни вздохнуть, ни выдохнуть. Сразу проснулись только гордость — как же, наследник родился! — и сознание того, что это очень даже хорошо — выполнить основной родительский долг перед ребенком, то есть его родить.

Главным в нашей семье всегда была работа. Кто не работает, тот не ест.

Если мне хочется кушать, я должна идти работать. Так решил мой муж. Что значит «ребенок маленький»? Полгода — уже не маленький. А вполне даже самостоятельный. Конечно, работать пока не способен, но уж точно может перейти на попечение няни.

Бороться с не до конца проснувшимся сознанием мужа было бесполезно. Если мой муж что-то придумал, так просто из него это не выбьешь. Нет, любую другую мысль все-таки, наверное, выбить получилось бы, но только не про работу. Это святое.

Сгорая от желания облегчить мне переход от непривычной роли кормящей матери к привычной роли бизнес-леди, до родов непрестанно разъезжавшей по всей Европе, Сергей предложил путешествие на неделю. Он, мол, останется с Павликом, я съезжу отдохну, а по приезде мы

дружно и с хорошим настроением примемся совместно зарабатывать на пропитание.

— Швейцария, — не задумываясь, ответила я.

— Леночка, ты выбрала очень дорогую страну. Может, подумаешь еще? Почему бы тебе не съездить в Чехию?

— Потому что, если ты не согласишься на Швейцарию, я выберу Японию, — зловеще прошипела я.

Муж понял всю серьезность моего настроя и тут же согласился.

О Швейцарии я мечтала давно, хотелось побывать везде: и в Женеве, и в Цюрихе, и в Лозанне, и в Давосе. Вот с таким вот маршрутом «по ленинским местам» я пришла в турагентство.

Там я принялась сбивчиво рассказывать, чего хочу: и про Швейцарию, и про Ленина, но при этом постоянно скатываясь на Павлика. Менеджер смотрела на меня с жалостью.

— Давайте мы вас отправим на два дня в Женеву, а потом вы поедете в санаторий на швейцарские озера в дивной красоты город Ивердон. Мне кажется, вам нужно просто отдохнуть, без всяких экскурсий. Спокойненько поплавать в термальных источниках, посмотреть на горы, полежать на процедурах.

Да, видно, впечатление я производила такое себе, раз меня совершенно незнакомой тетке сразу захотелось куда-нибудь сложить.

— А как же путешествия? А Ленин?

— А Ленин как раз очень любил Женеву и часто там жил. В Ивердоне, правда, не был,

но главное, что вы там побываете. Через два дня в Ивердоне вы полностью отключитесь, забудете про Ленина, — продолжала зомбировать менеджер.

Я еще немного посопротивлялась. Нам ведь как хочется? Заплатив один раз, причем не очень много, получить сразу все и по полной программе. Менеджер была непреклонна:

— Да вы не отдохнете совсем! По Швейцарии переезды достаточно длительные, до вокзалов добираться не очень удобно. Сами подумайте: только чемоданы собирать-разбирать сколько раз придется? Ну послушайте вы моего совета. А в Цюрих еще съездите. Например, на горнолыжный курорт, но потом. Отправим вас и с мужем, и с детьми, а сейчас отдохните немного, проживите эту недельку для себя. Еще благодарить меня будете.

Соображала я еще, конечно, туговато, но поняла, что тетка действительно хочет мне добра. Могла бы отправить и туда, куда я хотела, не вникая. А вот ей не все равно, пытается сделать для меня что-то хорошее. Ладно, в Женеву так в Женеву. Попробуем забыть про Павлика, роды и обиды и поедем. Пусть мои ленинские места пока что ограничатся Женевой!

Выхожу из женевского аэропорта, еще до конца не понимая, где я, что я и неужели это я.

Так же — не понимая, я полгода в кроссовках и джинсах, зимой и летом одним цветом, возила коляску по измайловскому лесу. И тоже разные мысли приходили. Как это я здесь оказалась?

Почему не в деловом костюме? Где мои туфли на высоком каблуке и дорогие украшения? И когда начнутся очередные деловые переговоры? Переговоров не было. Вся жизнь свелась к кормлениям, прогулкам, вечным недосыпам и хронической усталости.

— Ты же умная женщина! — удивлялся мой умный папа. — Зачем тебе все это было надо? Ведь все вроде было хорошо — и на работе, и дома, и Антону уже четырнадцать. Можно начинать жить для себя. И на тебе — все с самого начала. Пеленки. Распашонки. Бессонные ночи.

— Пап, зато у меня двое детей. Нас же с Наташей у тебя двое. Смотри, какие мы дружные. И потом, вспомни себя — я же все про тебя знаю: ну, как ты на мое появление на свет реагировал? Тоже отмахивался как мог, а потом понял, что я твое самое большое счастье в жизни. Или не так?

— Это верно. Но ведь ты помереть из-за этого ребенка могла!

— Так не померла же! Все, папа. Ты меня знаешь. Я справлюсь, и все будет хорошо. Еще не будешь своей жизни без Павлика представлять!

Выхожу из здания аэровокзала. Как всегда за границей — ровные ряды такси и никакого народа, никакой очереди. Из первой машины выскакивает водитель, хватает мой чемодан и распахивает передо мной заднюю дверцу. Именно заднюю, а не переднюю. И тут наконец до меня доходит. А ведь я в ЖЕНЕВЕ. Я В ЖЕНЕВЕ! ОДНА! БЕЗ КОЛЯСКИ!

И я опять в форме: красивая, хорошо одетая, с макияжем и легким запахом парфюма. Эту неделю я посвящаю себе. Будет «Неделя имени меня»! При чем здесь Ленин? Я буду ходить по магазинам и хорошим ресторанам, гулять, наслаждаться свободой. Еще буду спать. Спать, не вскакивая по ночам! И ходить по улицам просто так, не спеша. И мне не придется одной рукой толкать перед собой коляску, а другой — греметь погремушкой. Это ж какая-то совсем нереальная жизнь! Или такое бывает? Ну вот же, вот, это уже есть, это уже со мной!

В гостинице у меня есть всего полчаса, чтобы распаковать чемоданы: внизу ждет русскоговорящий гид.

Миловидная женщина средних лет, которую зовут Тамара, пытается показать мне как можно больше достопримечательностей Женевы, с цифрами и датами. Мне все это удержать в голове трудно. Даже воспринимать трудно. Запомнила только это:

— В Женеве можно пить воду из-под крана и нужно обязательно попробовать жареные каштаны.

Пытаюсь при каждом удобном случае Тамару прервать и поведать о том, что действительно интересно. А что может быть интереснее моего маленького сына? Ну, действительно, сколько можно слушать про замечательных людей и революционные события? К тому же про Ленина Тамара не так часто упоминает. Опять я про этого Ленина... Вроде и в Женеве, и одна, а выле-

читься до конца ну никак не могу: то о Павлике думаю, а когда пытаюсь отвлечься, так сразу о Ленине. Это во мне мой папа партийный не дремлет.

Мои комментарии Тамара мягко отмечает и опять пытается втолковать про разные события. Очень настойчивая женщина! Ну и пусть себе говорит! А мне просто приятно идти рядом с ней, дышать женевским воздухом, наслаждаться хорошей погодой и радоваться, радоваться жизни.

Следующий день у меня, по плану туркомпании, свободный. Что ж, рванем по магазинам! Оценим пресловутое швейцарское качество.

В первом же магазине я столкнулась с Тамарой. Неужели опять про забастовки начнет рассказывать?

— Лена, ну надо же! А вас обувь интересует?

— Нет, меня все интересует, просто этот магазин первым попался. Тамар, а что тут покупать-то вообще надо и куда нестись сначала? А то я завтра уже на воды — психику лечить.

— У меня вообще-то сегодня абсолютно свободный день, и я запланировала подарки родственникам купить. Пойдем вместе?

— Конечно!

— С каких магазинов начнем?

— Разумеется, с детских!

Часа через два Тамара заявила:

— Все, хватит, сколько можно набирать детских вещей? Себе хоть что-нибудь купили? Вы сюда зачем приехали? Мне что рассказыва-

ли? Отрываемся, все забываем, думаем только про себя! Ну-ка быстро забыли про детей и про мужа, взяли себя в руки и накупили себе всякого барахла! Давайте хоть примерять что-нибудь начнем. И вообще, пойдем в «Тати»!

Последнюю фразу Тамара произнесла заговорщическим шепотом.

— А «Тати» — это что?

— Это такой магазин дешевых вещей. Ходить туда ужас как неприлично. Никто никогда не сознается, что там бывает! А бывают все. Знаешь, — Тамара незаметно переходит на «ты», — сколько в этих швейцарцах понта? Они-де все только в дорогих магазинах да за бешеные деньги покупают. А я то одного, то другого в «Тати» встречаю — стоят, в кучах роются. И что здесь стыдного-то? В этих кучах можно найти совершенно очаровательные вещи и качества отменного. Швейцарцы — люди прагматичные, а там, если постараться, можно очень много чего купить и значительно дешевле. Страна действительно дорогая. Переплачивать неохота. Вот здесь, например, продаются продукты со скидкой. Если у них истек срок годности.

— Тухлые, что ли?

— Почему тухлые-то? — обиделась Тамара. — Это в Союзе, если даже свежее, то уже немножко тухлое, а здесь вообще все по-другому. Никто никого не обманывает. Просто если мясо привезли вечером, а продавать начали утром, могут скидку и до тридцати процентов сделать. Представляешь, как здорово! Или зелень два

часа на улице полежала... Мне какая разница, я все равно ее мыть буду. А тоже дешевле получается.

Да, вот у людей проблема: бегать от лавки к лавке целый день и скидки замеряй. Тут тридцать процентов, тут двадцать. Прямо спорт такой.

— Ну что ж, Тамар, давай в «Тати». Начнем примерять. Обещаю!

В «Тати» я и сама заразилась всеобщим ажиотажом. Рылась, примеряла и в итоге очень даже неплохо приоделась. А главное, мне удалось отключиться, я поняла, что целых полчаса не думала про Павлика. А это при моем воспаленном мозге — уже результат!

— Лена, ты куда пошла?! — с ужасом схватила меня за руку Тамара.

— А что, мы вроде все купили?

— Пакет!!! С этим пакетом нельзя ходить. Все же поймут, что мы в «Тати» были!

Ну надо же, какие мы нежные. А еще вруны. Швейцарцы, называется. Показушники! Сами в «Тати» одеваются, а изображают из себя богатую нацию. Хотя я же с Тамарой общаюсь, она не швейцарка, у нее муж в представительстве «Аэрофлота» работает. А сама она — вся в экскурсиях, музеях, в перерывах — в продуктовых лавках, магазинах, расчете процентов. Жизнь заполнена до предела.

— Ой, Лен, с сыном у меня проблемы. У них тут какая-то новая мода. Подруга должна быть старше молодого человека. Причем не на год, не на два, а на все двадцать!

— Как это?

— Ну мода, я же говорю.

— Тамар, какая мода странная!

— И не говори. У них вообще все тут странное, семь лет живу и никак не привыкну. Зато чисто, конечно, прямо стерильно.

— Да-да, и воду можно из-под крана. — Пусть думает, что я экскурсию внимательно слушала.

— А так — по Союзу скучаем, конечно.

— Вот и я уже начинаю скучать.

— Ты что?! Ты это брось! Тебе же завтра на курорт. Не выдумывай, выкинь семью из головы и отдохни, расслабься. Ведь обратно вернешься — и все, жизнь закрутит. Опять дети, муж... Будешь потом вспоминать и жалеть, что не отдохнула как следует. А Ивердон — место роскошное, можно даже сказать, элитное. Бассейны, спа-процедуры всякие. Воздух кристально чистый. Гулять будешь, питаться вкусно. Знаешь, какой там хлеб с маслинами? Попробуй обязательно! С твоей фигурой можно. Это мне — сто раз подумаешь сначала. Я уже такие продукты стараюсь не покупать, а то купишь — и весь батон одна и съешь. Кошмар!

— Тамар, а Ленин-то в Ивердоне был?

— Ленин в Ивердоне не был...

Тамара смотрит на меня с жалостью, совсем как та приятная тетка из турфирмы. И действительно, с чего это меня на Ленине-то заклинило? Не буду больше ни у кого о нем спрашивать. Буду мемориальные доски читать, может, сама